

О.П. Зубец

Археология аристократизма*
(Англомания как способ философствования)

Философская страсть к теме аристократизма есть лишь проявление естественного (если для философии не курьезно использовать это слово) стремления проникнуть в глубины устойчивых и настойчивых образов притягательного и достойного человеческого бытия в мире. Желания увидеть за пестротой и научной недостижимостью исторических, социологических и иных научно-гуманитарных описаний аристократии выходящее за пределы видимости в рамках профессионально-исследовательских ограничений явление: сокрытое фактами, но данное в неопишуемой простоте непосредственной рефлексии представление об аристократическом. В этом цельном образе известное противостояние этики долга или норм и этики добродетели утрачивает смысл, т.к. он выражает изначальную свободу человека по отношению к ценностному миру — свободу автора, творца, не обременяющего себя даже законодательством. Его существование — прежде и изначальнее любого возможного правила, нормы или понятия о добродетельности. Каждое его движение — идеальное или реальное — может стать основой оценок для других, нормой, образцом, но не для него самого.

Насколько философ нуждается в соотнесении своих суждений с тем, что современный ему мир считает реальностью, эмпирической данностью — вопрос отдельный. Возможно, чем

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РГНФ. Грант № 08-03-00226а.

менее он озадачивается этой связью, тем достойнее тот способ, которым он оплодотворяет культуру — менее извращенно и с подлинным чувством. Зачем тогда нам искать корреляты аристократизма в реальности? Но, собственно говоря, речь и не идет о реальности отдельных поступков, газетных фактов или даже литературных примеров. Речь идет о воплощении образа аристократизма в ином — также достаточно идеальном — явлении: в представлении об английском национальном характере.

Заметим, что ряд сущностных особенностей аристократического (принципиальная неотрефлексированность, невозможность выражения в форме абстрактных всеобщих норм, заповедей, идеалов, неприятие рационализма, и т.д.) категорически не допускает возможность реконструкции на основе его собственного вербально выраженного самоосознания (называние, присваивание имен в качестве наделения бытийственностью также не может служить таким источником). Тем не менее остается возможность описания аристократического через философское воспроизведение специфики его как ценностного явления, основанного на центральности и связанной с ней единственности субъекта, или, словами М.Бахтина, — «центральности моей единственной причастности бытию», собственно говоря — через понятийное построение аристократического ценностного мира. Для Бахтина такая первая философия, которая вскрывает бытие-событие, как его знает ответственный поступок, не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире, но может быть только феноменологией этого мира поступка¹. Но ответственность поступка определяется не его содержанием, а подписью под ним. Содержание как раз с необходимостью устраняет субъекта поступка. И наоборот: обращение к ответственному поступанию предполагает и позволяет помещение человека в центр ценностного мира — что исторически и философски наделяет его тем, что можно определить как аристократизм.

Долгая история противостояния морали малого и великого человека, господина и раба, аристократа и мещанина чаще всего доступна в форме нападков периферийного человека на челове-

¹ См.: Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 105.

ка центра или идеализации им же последнего — поэтому она не может служить самостоятельным источником для понимания сущности аристократического как ценностного явления. Иной путь поиска форм укорененности аристократического в реальностях человеческого существования лежит через обнаружение аристократического под многочисленными слоями иного в явлении, которое исторически и в мировом общественном мнении связано с аристократизмом. Речь идет об английском характере, об англичанине.

Исторически — в отличие от Франции — благородный англичанин имел не больше прав, чем любой свободный человек². Но это лишь еще в большей степени соответствовало аристократической противопоставленности социальности и государственности. В результате, как пишет М.Блок, «английская аристократия, исходя из реальности, которая одна дает настоящую власть над людьми, и избежав омертвления, возникающего в слишком ограниченных и замкнутых правом рождения условиях, извлекла лучшее из присущей ей силы, что помогло ей просуществовать долгие века»³.

Обращение к Англии и всему английскому при стремлении обнаружить некую данность аристократизма не в исторических трактатах, а в реалиях, выходящих за пределы исторического, находит еще одно основание в том, что Норберт Элиас рассматривает в качестве противопоставленности цивилизации и культуры. Эта противопоставленность воспроизводится как на уровне социальных групп: аристократии и интеллигенции, так и целых стран: Англии и Германии. Интересно замечание Элиаса, что французское и английское понятие «цивилизация» может относиться к манерам, «behaviour» людей, «причем не важно, достигли ли последние чего-нибудь своим поведением или нет»⁴. В то время, как в немецком термине «культура» «такое отнесение к “behaviour” — к ценностям человека, ничего не совершившего и наделенного просто бытием и поведением, — присутствует лишь в самом ограниченном виде»⁵, а его произ-

² См.: Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 329.

³ Там же. С. 325.

⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. Т. 1. М., СПб., 2001. С. 60.

⁵ Там же.

водное «kulturell» означает не бытие или ценность человека, «но ценность и характер определенных продуктов человеческой деятельности»⁶. Другое различие этих понятий Элиас определяет как ориентированность цивилизации на процесс, а культуры — на продукт деятельности. Кроме того, это понятийное противостояние связано с противостоянием социальным: у Элиаса речь идет об аристократии и немецкой интеллигенции. Для последней легитимацией являются *достижения* в духовной деятельности, тогда как высший слой в этом смысле ничего не делает, но видит свое отличие в особом роде *поведении*. А единственно возможной формой связи разбросанных по университетам и городкам интеллектуалов стала идея, общая и всепоглощающая идея. Немецкая интеллигенция всячески подчеркивает свое достоинство через понятие истинной добродетели, противопоставляемой пустой учтивости, внешней любезности, через утверждение глубины против поверхностности, искренности против лицемерия. Эта антитеза, зародившаяся изначально как социальная, стала преимущественно национальной: искренность и открытость предстали как черты немецкого характера в противоположность всегда что-то скрывающей учтивости англичан. Данное исследование Элиаса не только служит оправданием обращения к английскому как реальности аристократического, но указывает на ряд его существенных моментов: ценностное доминирование поступка по сравнению с продуктом или результатом и отсутствие тех социальных оснований возвышения роли идеи, которые характерны для «культурной» немецкой интеллигенции.

Тот факт, что аристократизм со всей его экстравагантностью был воспринят в качестве воплощения собственной сути целой нацией, отражается как в ее собственных рефлексиях, так и в стороннем взгляде наблюдателя, — например, американца Эриксона. Поэтому, если задаваться целью обнаружения аристократического, то лучшего объекта не найти.

По количеству монографий, посвященных английскому характеру, с ним не может соперничать никакой иной характер, и это свидетельствует о том, что английский характер — не

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. Т. 1. М., СПб., 2001. С. 60.

нечто, стоящее в ряду других национальных типов, но явная исключительность, единственность, драгоценность, принадлежащая человечеству в целом, которое не может ей пользоваться, но порой способно любоваться ей. Английский характер не есть чистое проявление аристократизма, но в нем его можно обнаружить в большей концентрации, чем где бы то ни было.

Обращение к аристократизму как некоторой реалии (пусть и главным образом духовной, но хотя бы локализованной как бы вне отдельного исследования) позволяет расширить ракурс рассмотрения проблемы места аристократического в морали (или его полной внеположенности ей). Для О.Шпенглера аристократизм укоренен в нравах, в отличие от священничества, обретающего себя в морали: т.е. мораль полностью принадлежит противостоящей аристократизму сфере. В трудах многих мыслителей речь идет о различении аристократической и мещанской морали (хотя они и обозначаются разнообразными терминами), но все же остается открытым вопрос, можно ли отнести аристократизм именно к сфере морали или это явление иной природы и связано с ней лишь тем, что само является ценностным. В философской мысли присутствует различение двух форм единого явления — причем признаки их полностью созвучны отличительным чертам аристократизма и мещанства. Можно сослаться на идею Майкла Оукшота из статьи «Вавилонская башня»⁷ о существовании двух форм моральной жизни: одна есть «привычка чувствования и поведения», а другая — «рефлексивное применение морального критерия». Одна выражается в неотрефлексированном поступании, а другая — в рациональной проблематизации жизненной ситуации и обладании моральным идеалом, правилом, принципом. Причем можно сказать, что если первая не просто конструирует мир, но сама есть этот мир, то вторая есть нечто гносеологическое, проблематизирующее внешнее себе. По-видимому, такая точка зрения, соединяющая аристократическое и мещанское начала в едином явлении морали, может считаться наиболее оправданной. Ницше писал о сосуществовании господина, ари-

⁷ Оукшот М. Вавилонская башня // Оукшот М. Рационализм в политике. М., 2002. С. 110-127.

тократа и раба в одном человеке, но это никак не предполагает, что оба одни воплощают моральное начало, скорее даже наоборот. Другое дело, что подобная раздвоенность коренится во внутреннем напряжении между поступанием и всем, что стоит вне его, между осмыслением поступка и самим этим поступком, между разнообразием мотивов и следствий, и самой горделивой способностью поступать в свободе от этого разнообразия. Именно рассмотрение аристократизма как основы способности человека к поступанию (вне и помимо мотивов, идеального опосредования идеалами, принципами, законами, а также результатов, продуктов или следствий этого поступания) — является обоснованием его роли в той области, которую можно определить как моральное.

Оукшот предпринимает попытку рассматривать мораль как различное сочетание двух крайностей — поступания и ориентированной на идеал рефлексии, — это он считает способом приближения к исторической реальности. Но английский мыслитель отдает явное предпочтение такому сочетанию двух крайностей, в котором доминирует именно неотрефлексированное поступание, обычай — тогда, как он считает, моральная жизнь будет защищена от путаницы между поведением и стремлением к идеалам, а действие удержит свое первостепенное значение⁸. Но можно предположить, что вместо описываемой им идиллии, скорее всего, такое сочетание чревато внутренним антагонизмом, т.к. за поступанием и рефлексирующей идеализацией стоят противостоящие друг другу системы ценностей, имеющие долгую историю напряженных отношений.

Английское пристрастие к ритуалам, к церемониям, скептическое, но тем не менее уважительное отношение к ним имеет некоторую связь с эмпирической склонностью английской мысли и менталитета в целом. «Англичане не отрицают загадочность, но они отвергают желание объяснить ее, рационализировать ее и заменить абстрактными принципами. Разум кажется им неразумным... Разумный человек решает проблемы морали, религии, политики или садоводства не консультируясь с априорными правилами, но путем переговоров и компро-

⁸ См.: Оукшот М. Вавилонская башня. С. 119.

мисса с теми, кто кажется несогласным с ним, но тем не менее может оказаться правым. Традиция и пример гораздо более надежны, чем абстрактный аргумент; ритуалы и церемонии — насколько они существуют без всякого объяснения, скорее содержат истинное, чем интеллектуальная доктрина»⁹. Именно вследствие этого отношения было отдано спонтанное предпочтение монархическому правлению перед республиканским и аристократическим титулам перед профессиональными степенями. Принижение рационального объяснения, обоснования и опосредования идей, общим законом — очевидное проявление аристократизма, не нуждающегося в обосновании, оправдании собственных действий в силу простого отсутствия того, перед кем эти оправдания могли бы иметь место, не нуждающегося в идее как форме опосредования своей связи с другими, с миром, ибо весь этот мир существует лишь поскольку он есть часть меня, есть Я сам. Идея и закон не нужны мне в отношении к моему собственному телу. Как пишет М.Оукшот по поводу схожей проблемы, на искусство и моральную активность накладывают совершенно неподходящую дидактическую форму, тогда как «поэт не знает о том, что он хочет сказать, до тех пор, пока он этого уже не сказал»¹⁰. Другой вопрос — является ли подобная ошибка результатом особой ситуации культурного наследия Древнего мира и христианства, как считает М.Оукшот, или это необходимая форма существования периферийного человека, нуждающегося в идеальном опосредовании своих связей с миром и постоянном соотношении себя, своих действий с некоторыми общими идеальными ориентирами и внешними оценками? Тогда точка зрения этого англичанина, считающего, что европейская моральная история была строительством Вавилонской башни, созданием моральных идеалов, благодаря которым мы сейчас не знаем, как себя вести в публичной и частной сферах, — это и есть точка зрения аристократизма.

Ставшее банальным — т.е. употребляемым теми, кто не способен вложить в него изначальный смысл — утверждение «мой дом — моя крепость» (в более точном переводе речь идет о зам-

⁹ *Scruton R.* England: An Elegy. L.—N. Y., 2006. P. 49.

¹⁰ *Оукшот М.* Вавилонская башня. С. 121.

ке) не является для англичанина музейной безделушкой. Дом как замок есть свобода закрывания двери, обретения того пространства, которое и есть Вы сами: это не огораживание собственности, выносимой на торговую площадь, имеющую стоимость и являющуюся потенциальным товаром. Нет — это отрицание всего перечисленного, это возвращение к средневековой натуральности. И столь тесно связанное с идеей аристократизма и с образом англичанина садоводство (в русском переводе полностью утрачивающее тот завораживающий смысл, который имеет слово *gardening*) есть обустройство своей земли как обустройство себя самого, ибо земля дает имя владельцу, а владелец дает имя ей.

Дом как замок построен не в результате применения архитектурных идей и традиций декора — он есть непосредственное воплощение форм индивидуальной человеческой деятельности: он создан нашими телодвижениями подобно тому, как нора своим устройством отражает биологию своего обитателя, его строение и форму жизни. Это «слепок с действительной жизни», когда мощь жизни создает себе вместилище «из собственного своего нутра» (Шпенглер). Он может иметь украшения или быть лишен их — ибо он выражает не вкус обитателя, а форму его жизни, его телесность — и сам он является его телом, производным от идей и представлений о прекрасном и должном. Поэтому замок принципиально некрасив — особенно рядом с собором — подобно тому, как принципиально некрасиво аристократическое лицо, выражающее неповторимую породу, а не общезначимый идеал гармонии.

Для аристократического начала форма реальной деятельности, привычки поступания важнее, первичнее, чем общее правило или закон — какова бы ни была природа последнего. Так, право частной собственности уступает необходимости пересекать границы земель при охоте на лис.

Причинно-следственная природность человека преодолевается аристократически — т.е. через ценностное игнорирование функциональности, успешности, полезности, результативности: победа и поражение в равной степени несущественны. Проигравший герой похоронен вдали от дома, не достигнув цели, но лишь достойно ведя себя — таков исследователь Арк-

тики Скотт. А в военной победе может утратиться героическое. Не духовно — через абсолютные моральные запреты — очерчивается пространство человеческого, а через поступание, игнорирующее логику причин и следствий, целей и средств. В основе этого игнорирования лежит центральная локализация субъекта в ценностном пространстве, не допускающая значимого существования чего либо вне «моего», вне «self», устраняющая равного другого. Для поступания не существует внешних обстоятельств — есть лишь я сам, и лишь в мире, тождественном мне самому, я способен совершать ответственный поступок. Именно в этом смысле аристократизм, помещающий человека в центр и устраняющий все иное, является подлинным основанием способности к ответственному поступанию. Если признать, что мораль не сводится к идеальным построениям, а предполагает поступок в качестве своего ядра — то именно аристократизм оказывается ее основанием.

Английская эксцентричность ни в малейшей степени не есть оригинальничанье или показуха, театрализованность. Как пишет Роджер Скрутон, она является фактически своего рода формой пунктуальности. Когда англичанин оказывается среди чужаков и незнакомцев (*strangers*), он руководствуется лишь обычаями и традициями, возникшими в другом месте, в иное время и с другой целью. Он всегда остается англичанином, заключая в себе свой остров или его часть, он может под проливным дождем произнести страстную проповедь в Гайд-парке, а потом — вернувшись домой — наслаждаться чаем с печеньем, как будто ничего не произошло. Он будет обращаться с подростками как с истинными джентельменами просто потому, что это его собственная манера вести себя, совершенно не корректируемая внешними изменчивыми и относительными обстоятельствами. И если некое действие (повязывание галстука или чистое бритье) кажется простым, не имеющим отношения к морали, автоматическим действием, то будучи совершаемым в самых неожиданных условиях — пустыне, на войне, джунглях — оно становится исключительным примером поступания, в котором человек устанавливает свое авторство мира и собственных поступков. Отличительным, специфическим, сущностным для аристократического поступания (а в контексте данного рас-

смотрения речь идет об аристократическом как основании всякого поступания) является исходное устранение всего, что не является «мной» — в его основе лежит фундаментальное игнорирование другого — человека, обстоятельств, возможных последствий, оценок и т.п. — *в качестве оснований* поступания. Именно поэтому аристократический поступок может казаться смешным, нелепым, проигрышным, экстравагантным, бесчеловечным. Он может вызывать раздражение — даже при явном гуманном содержании — просто в силу того, что не является выражением каких-либо нравственных норм или межличностных обязательств и отношений, а потому не отвечает высоким одухотворенным представлениям о подлинной моральности поступка. Вот чисто эмпирическое наблюдение Дэвида Кэннедина из главы его книги «Aspects of Aristocracy», посвященной Уинстону Черчиллю: «Его высокомерие, его самоуверенность, его величавое безразличие к последствиям, его полное отсутствие интереса к мыслям и чувствам других — все это рассматривалось — с сожалением — наблюдателями как явный признак его принадлежности к высшему классу»¹¹. О том же Черчилле — вернее о всех Черчиллях, начиная с Джона Мальборо — высказывалось мнение, что у них полностью отсутствует как мораль, так и принципы вообще¹². (Взгляд со стороны вполне точно отмечает в аристократизме два момента, которые могут стать для этики сверхдостаточными аргументами для полного исключения его из сферы морали: это игнорирование другого и отсутствие принципов.)

Скрутон, не ставящий перед собой задачи аристократизации англичанина, пытается вписать эксцентричность в ценности периферийного, выживающего в мире обстоятельств человека, и утверждает, что эксцентричность — не бессмысленный продукт праздности, а необходимый момент существования в изменчивом и полном риска обществе. И тем не менее примеры ее — исключительно аристократические, что опровергает тезис о существовании в изменчивом мире. Эта изменчивость не дана аристократическому сознанию, для которого мир есть

¹¹ Cannadine D. Aspects of Aristocracy. England, 1994. P. 130.

¹² См.: Ibid. P. 132.

исключительное постоянство его единственного центра и авторства. Дж. Ст. Милль видел в эксцентричности (которая не есть экс-центричность) выражение свободы и ее гарантию — именно эксцентричность, на его взгляд, привносит в мир человеческое. Периферийный человек, мещанин нуждается — для своего выживания и даже просто для обретения собственного лица — в постоянном осмыслении окружающего его мира и своего места в нем с логично следующей за этим коррекцией своего поведения и облика. Мещанин должен соответствовать миру, быть адекватным ему в поступках и в мыслях. Человек центра, аристократ соответствует сам себе, мир и есть он сам. Если он приносит в мир значимость, своим присутствием воссоздает его из небытия — что есть тогда эксцентричность? Понятие, которое невозможно наполнить смыслом при невозможности оценки извне.

Но если поступание основано на бытии в центре и отсутствии опосредования идеальными абсолютами, как быть с традиционным и фундаментальным этическим и моральным представлением о должном? У совершения аристократического должного нет морального мотива, как нет следствия и оценки: совершающий его — чужак, незнакомец, инопланетянин в мире других, ему не ведомы общие правила и нормы, идеалы и представления о должном. И если он совершает нечто благородное с точки зрения других, то вовсе не исходя из идеи благородства или любви к ближнему (хотя не абстрактный, но определенный «ближний» может быть любим в компании с любимой собакой или видом из окна). Особое долженствование, описание которого мы обнаруживаем в трактатах об английском характере, есть порождение того, что Бахтин называет «долженствующей единственностью»¹³.

Понятие «долга», встречающееся при описании англичанина, отличается от того традиционного философского концепта, который долгое время играл доминирующую роль в европейской этике. Оно не призывает человека к чему-то, выходящему за пределы его поступания, не коренится в долженствовании, противостоящем сущему и обесценивающему его. Человек не подчиняется долгу, он просто поступает как единственно должно¹⁴.

¹³ Бахтин М. Указ. соч. С. 113.

¹⁴ См.: Macneile D.W.. The Englishman. L., 1938. P. 38.

Корни такого долга лежат в своеобразии аристократического ценностного сознания, когда поступок является воспроизведением того, что и есть подлинно значимое и действительное, что рождает прецедент истории рода — единственно должный именно в силу того, что он имел место и что его автором является субъект этой истории. Иными словами, должное рождается из поступания, а не поступание из должного. Основанный на таком долге закон или этика права гарантирует человеку, что он сам несет ответственность за собственную жизнь и последствия своих действий, дает ему свободу самому ладить с собственной жизнью и пользоваться неотчуждаемым правом делать то, что должно. Периферийный человек нуждается в должном как идеальной связи с другими людьми на периферии и со всем устройством мира, без этого опосредования он окажется затерянным в неструктурированном и не осмысливаемом пространстве одиноким ничто. Он видит ситуацию поступания через нормативную призму должного, принимая мир как несовершенный, а себя — как неспособного совершать совершенные поступки. Но при этом он обнаруживает себя в качестве человека именно в силу своей причастности к идее должного, блага, справедливости. Это и есть классический субъект морали, живущий в мире несовершенных поступков, непредсказуемых последствий, многообразного переплетения мотивов. Человек центра не нуждается в идее должного для ценностного структурирования мира подобно тому, как для функционирования организма человеку не требуется идея идеальной физиологии. Для него не существует ситуации, внешней ему самому с ее непредсказуемыми до и после. В ней — в этой ситуации поступания — нет ничего сверх и помимо самого его поступания, у которого нет прошлого и будущего вне лично-родовой истории поступающего человека, тогда как предшествование, кульминирующее в мотивах, и последствия действия, кульминирующие в муках совести, являются первейшим содержанием поступания для периферийного человека. Карел Чапек описывает англичанина-джентельмена, приводящего вас в ярость тем, что, сидя в купе напротив целые два часа, не считает вас достойным даже взгляда, а затем встает и помогает снять тяжелый чемодан, с которым вам не справиться самому. И вот вы растеряны, т.к. все это не соответствует представлению о хоро-

шем поступке, который должен быть вписан в паутину человеческих отношений, близости, любви к ближнему и т.п., а не являть собой некий автоматический акт, которому предшествует ценностное уравнивание вас с вашим чемоданом, причем последнему отдается явное предпочтение. В аристократизме ситуация создается не осмыслением ее посредством идеи, а самим поступанием, которое не обрастает морально-этической рефлексией, а остается прецедентом поступания, совершенно не предполагающим превращение в образец, ибо остается всегда поступанием совершившего его и вписавшего его в свою неповторимую историю. Этот поступок-прецедент рожден долженствованием единственности, а потому не может превратиться в норму или образец для других (тем более что последние отсутствуют). Философствующий мещанин будет склонен создать образ идеального джентельмена, превратить его в нормативное должное, утвердить помощь ближнему, находящемуся в затруднении, в качестве доброго поступка, но это не будет иметь для аристократического начала никакого значения и не будет иметь к нему никакого отношения. Не случайно ни одному мыслителю не приходило в голову создать нормативный образ идеального аристократа — ведь он не рождается посредством идеи.

Это то, что М.Бахтин называет «долженствованием поступочным»: не отвлеченный закон поступка, а действительное конкретное долженствование, обусловленное его единственным местом в данном контексте события. Долженствование не может быть содержательным, ибо если бы оно было таковым, то с необходимостью устраняло бы действующего и ответственного субъекта. Кроме того, само содержание не содержит в себе долженствования или его обоснования. Бахтин высказывает идею, которая является квинтэссенцией описания аристократического (вырастающего из героического) в морали: «Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой... на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)»¹⁵. В истори-

¹⁵ Macneile D.W.. The Englishman. С. 85.

ко-антропологических исследованиях можно встретить описания ценностной специфики пребывания в центре (что доступно лишь вождям и шаманам), ибо центр — это такое место, в котором бытие сгущено, в котором пребывают ценности и нет расхождения должного и сущего. Должное есть воплощенное пребывание в центре — ему не предшествует нормативная обязательность.

Авторы, описывающие англичанина, замечают, что моральный поступок совершается им как если бы он был совершенно очевиден. Нет никакой борьбы с соблазном, нет чувства, что «хорошее» является бременем¹⁶. Он не совершается вопреки, т.к. вне него ничего не дано. Неотрефлексированное, не осмысленное через соотнесение с идеалом и нормой действие кажется простым этикетным автоматизмом, в чем нередко и обвиняется (наряду с обвинением в бездушии в адрес совершающего его). Но поступок отличается от самого разного рода действий не идеальным опосредованием (которое основано на множественности равных периферийных субъектов, связанных друг с другом и с самими собой посредством идеи), а именно центральностью и единственностью действующего лица, тем, что он — через ценностное присвоение мира и устранение Другого — становится действительным автором своего деяния, а не функцией других (равных ему людей, возвышающихся над ним идей и т.п.). Уже упоминавшиеся ежедневные гигиенические мероприятия, не похожие на поступание, являются явным примером поступания, если в них человек локализует себя в центре ценностного мира, а вследствие этого — устраняет все иное: живет в мире, который есть он сам, владелец замка и всего обозримого пространства. Поэтому, когда англичанин (которого по целому ряду оснований можно рассматривать как цельный феномен аристократического) осуществляет свои гигиенические процедуры, совершенно независимо от условий, места, ситуации: в замке, в гостинице, в египетской пустыне или индийских джунглях, — это есть поступание. Если он является к обеду в смокинге, даже если это совершенно нелепо с точки зрения обстоятельств, воспринимаемых другими, — это тоже

¹⁶ *Dibelius W., Lindsay A.D.* England. N. Y., 1930. P. 166.

поступание. Иными словами, поступанием является любое действие, в основе которого лежит центральность и единственность совершающего его — в этом смысле оно всегда аристократично.

Устранение всего, что смещает человека из ценностного центра на периферию, наблюдается в многообразных примерах аристократического. Именно в силу этого англичане, уважающие закон и авторитет, презируют официальность и государство. Важной особенностью английской ментальности, отмечаемой Скрутоном, является различие, разведение власти и авторитета, которым проникнута не только гражданская, но и личная жизнь. Отношение к человеку, обладающему властью, полностью зависит от того, обладает ли он авторитетом — за этим скрывается доминирование родового времени над социальным пространством.

Подлинной ценностью и жизнеспособностью отличается то, что порождено не общей идеей, реализуемой государством или профессией, а любительством и частными инициативами — они стали отправной точкой множества общественных институтов: колледжи, клубы, разнообразные объединения возникали в ответ на различные проблемы общественной и индивидуальной жизни. Не государство, а именно частные инициативы и объединения. Каждая деревня стала центром спонтанного создания общественных институтов, защищенных от ревности законодателей.

И именно в силу того же, несмотря на любовь к традиции и церемониалу, англичане прекрасно знают, что последние являются лишь их собственными человеческими изобретениями, доступными иронии. Отсюда и их любовь к абсурду, всяческой непередаваемой чепухе. Язык основан на грамматических правилах, этикете, стиле и вводит нас в публичную сферу, где мы не изобретаем правил, но как бы обязаны подчиняться им. Но англичанин восстает против этого и получает истинное удовольствие от говорения вопреки всем этим правилам и установлениям. Не случайно именно викторианская эпоха, пытающаяся выглядеть образцом торжества закона, порядка и пуританства, воплощает себя в стихотворном творении чепухи Эдвардом Лиром и двумя книжками об Алисе Льюиса Кэролла. Англичане открыли детство не в качестве этапа жизни, а как особое ду-

ховное состояние: они создали величайшую детскую литературу, которая не является детской, ибо ее герои сопровождают человека всю жизнь, также как всю жизнь он занимается своими хобби и радуется часам, проведенным в общении с животными. Как замечает Скрутон, когда эти животные выступают в качестве антагонистов (на охоте или рыбалке), то занятие называется спортом — т.е. соперничеством равных. Культивирование детского состояния есть возвышение состояния вне закона и нормы, когда старый изувеченный плюшевый мишка оказывается важнее всех достижений цивилизации, когда чуть ли не символом нации становится Мистер Бин — откровенно неприятный для окружающих людей, но дружеский избранным им вещам. Это Никто, который становится Кем-то, потому что превратил себя в свой мир (что, конечно, не дословный, но близкий по смыслу перевод «the nobody who was somebody, because he had made himself a home»).

Для англичанина существует огромное различие между Кем-то и Никем (Somebody and Nobody) — граница между ними постоянно обновляется и поддерживается. (Тем не менее англичанин считает, что быть никем допустимо и даже желательно: это основа чувства класса, классовости.) Англия — аристократическое общество во многих смыслах, в частности — в том, как высоко ценится порода и наследственность. Для хорошего поступка недостаточно быть просто хорошим — т.е. оцененным таковым сиюминутным наблюдателем с точки зрения сиюминутности. В нем должно проявляться нечто основательное, выходящее за пределы ограниченной настоящей ситуации: родовая история, порода, выявленная, возможно, посредством шпенглеровской муштры. Только тогда поступок и будет естественным явлением того, что есть долг.

Ральф Эмерсон отмечает, что появление аристократа придает любому событию дух исключительности: но так видится оно лишь с точки зрения коммонеризма, а с точки зрения аристократизма это появление есть лишь порождение данного события к бытию, к ценностному существованию, в то время как других событий просто нет. Нет исключительного, есть существующее. Иногда американский мыслитель без стеснения отдается восторгу: «В них есть чувство превосходства, отсутствие

каких-либо амбициозных усилий..., чистый тон мыслей и чувств и сила повеления...»¹⁷. Исключительность порождается еще и тем, что событие перестает вписываться в общее положение, идею, закон, определяется и обнаруживается не ими, а самим присутствием в нем человека — что порождает особую открытость. Эта открытость, основанная на предпочтении дескрипции перед прескрипцией (именно так создавался знаменитый Оксфордский словарь английского языка, начало которому положила опять же любительская инициатива и который фиксировал частные лингвистические инициативы, но не контролировал их), находит свое выражение в истории английского языка, когда не абсолютные стандарты и правила, но компромиссы, конкретные реалии, а не абстрактные идеи становились основой развития.

Доминирование дескрипции — проявление английского эмпиризма, скептически настроенного по отношению к истинам разума (в аристократическом контексте разум ни в чем не выигрывает перед неразумием, ум — перед безумием: ведь поступок не является результатом разумного осмысления обстоятельств или проникновения в скрытую логику мира).

Английская система прецедентного права несет в себе всю полноту аристократического бытия в мире: она часто описывается как созданная судьей: его неповторимым решением для неповторимой ситуации. Но подобное описание не совсем точно. Как пишет Скрутон, право является не изобретением, а открытием¹⁸. Судья не создает закон, но применяет его, хотя он и не сформулирован в виде принципов. Обычное право является законом земли, принадлежит Англии. Потому англичане и признавали самых разных королей, даже тех, что не знали английского и вообще не были королями (как Кромвель), просто потому, что видели их в качестве сотворенных, а не творящих. Английское право подобно форме обустроенной земли, сердцем и душой которой является английский аристократ, чей титул облагораживает его владения, а владения облагораживают

¹⁷ Emerson E.W. *Essays and English Traits*. The Harvard Classics, 1909–1914 Ch. XI. *Aristocracy*. Norwalk CT, 1993. P. 22.

¹⁸ См.: Scruton R. *England: An Elegy*. P. 9.

его самого (Скрутон). Идентичность человека определяется его отношением с землей, но и идентичность последней определяется отношением с определенным человеком. Это и есть то, что называется домом (home) в отличие от здания, отчужденного от строителя строения. Все, находящееся в доме, совершенно не нуждается в объяснении — все это просто тут есть. Скрутон обращает особое внимание на то, как англичане совершенно не нуждаются в объяснении чего бы то ни было, своих обычаев и традиций, форм своего поступания. Нет объяснения — нет и проблематизирующей рефлексии. Человек дома «выращивает овощи, такие большие, что их никто не может есть, и выводит таких уродливых собак, что только англичанин может взглянуть в то, что из величайшего милосердия могло бы называться лицом»¹⁹.

Станным может показаться периферийному зрителю культивирование породистости — как людей, так и животных, — которое совершенно разрушает какие-либо образцы общезначимой красоты. Породистость порождает чрезмерность — но меры и не может быть. Нет и самого стремления к красоте — вплоть до архитектуры дома, который воспроизводит не идею стиля, а является прямым выражением форм жизни (подобно крестьянскому дому и замку, в противовес собору — на что указывает Шпенглер).

Домашняя эксцентричность соседствует с любительством, а последнее означает, что нет никаких ограничений вашей деятельности в виде требования некоей готовности к ней, соответствия ее запросам. И в результате такого неограниченного любительского поступания создаются университеты, школы, больницы, театры, обустраивается мир, который считается просто домом, мир, который и есть человек.

В глазах англичанина история уступает биографии, а литература не интересуется этическими, социальными или политическими вопросами, но обращена к личностям (personalities)²⁰. Величайший мастер пейзажа Тёрнер долгие годы не имел признания в силу того, что не писал портреты. Энтузиазм провоцируется не идеей, а персоной, голосуют не за программу, а за че-

¹⁹ См.: *Scruton R.* England: An Elegy. P. 16.

²⁰ См.: *Dibelius W., Lindsay A.D.* England. P. 148.

ловека, и враг должен быть персонифицирован — как Наполеон или Вильгельм II. Так через детали национального характера просматриваются основания аристократизма: доминирование родового времени над социальным пространством, первичность личности по отношению к каким-либо отчужденным формам объективации.

Англичанин ценит любительство и ставит профессионализм на низшую ступень, что также является классическим проявлением аристократических ценностей. Можно быть виртуозом в музыке, великим исследователем или поэтом, но все это достойно лишь будучи представленным не в виде профессии, а в качестве формы любительства, развлечения. Протестанская идея служения профессии чужда аристократизму, как и идея служения в принципе (королю, богу, даме или какого-либо роду занятий). Любой профессионализм предполагает отчуждение продукта (какова бы ни была его природа) — с одной стороны, и наличие образца, идеала и деятельности и ее результатов — с другой. Но аристократизм отвергает и то и другое.

Английская философия — не по содержанию, ибо аристократизм не может выразить себя содержательно и не нуждается в этом — а по своим деятельностным ценностным основаниям также воплощает аристократическое начало. Не случайно Локк уподобляет свои философские занятия охоте — занятию, исторически воплощающему в себе ценностный аристократизм: «Поиски разумом истины представляют род соколиной охоты, в которой сами поиски составляют значительную часть наслаждения»²¹. Аристократизм связан с умалением роли результата, всего, что допускает отчуждение в качестве продукта деятельности. Собственно результат имеет значение и обретает смысл, лишь сохраняя вписанность в поступок, совершаемый единственным в ценностном отношении деятелем: выпадая из него, он утрачивает свою единственную ценностную бытийственность и растворяется в ничто, в том, что лишено человеческого присутствия. По тем же основаниям англичанина — даже если он романист или философ — не интересует объяснение (и как возможно объяснение, если я есть всеобъемлющее порождение ценностного

²¹ Локк Дж. Избр. филос. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1960. С. 61.

мира, тождественное ему, его единственное основание? Потому нет места объяснению и внутри дома). Как восклицает Г.Гачев: «А ведь в Англии нет романа воспитания!»²². Он и невозможен, если поступок не является воплощением идеи. Тот же автор отмечает, что у английского романиста нет интереса, почему так вышло, подобно тому, как и Ньютон не интересуется причиной тяготения. И Юм не измышляет гипотез, и рассматривает причинность как не нашего ума дело — коли мы имеем привычки. А уж привычка — аристократическая форма.

Английская психология, подобно судебной практике, не интересуется мотивами, историей души (что есть особый интерес для немецкой мысли). Как осмеливается утверждать Г.Гачев, «на континенте человек... не есть абсолютный источник ни совершаемого им зла, ни добра и т.п.»²³ — т.к. он существует в мире, который не есть он, в мире других, с ними он связан посредством идеи, нормы, а следовательно, главное — это пребывание идеи в нем самом — в мотиве, намерении и т.п. Здесь могут и судить лишь за намерения, за идеи. И свидетельство души о себе признается как важнейшее, тогда как в англосаксонском праве (возможно, в его части. — О.З.) не добиваются признания подсудимым своей виновности: оно не доказательство²⁴.

Любое решение — в том числе и философское — имеет статус прецедента. Подобно тому, как поступок создает прецедент, но не реализует норму и не порождает ее. В этом — основа английского философского эмпиризма. Как и основа английского права. Но в этом и особенность той морали, описание которой мы находим при обращении к английскому характеру. Абстрактный принцип не более авторитетен, чем провозглашающий его. Но, как многократно настаивает Скрутон, судья (и человек) не изобретает (*invents*), но открывает (*discovers*). То, что он открывает своим поступанием, и есть его задающая мир центральная единственность — его аристократизм.

²² Гачев Г. Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. М., 2007. С. 511.

²³ Там же. С. 513.

²⁴ Там же.